JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
MRNTI / IRSTI 03.23.31

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.7.21

Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century

R. Asilguzhin✉
Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan
✉*asrafil@yandex.ru*

Abstract. Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century developed across the Southern Urals, the Cis-Urals, and the north-western Kazakh steppe, where customary migration routes, kinship ties, and a shared Islamic environment intersected with the expansion of Russian frontier lines. The subject requires an approach that treats relations between the two peoples not as a sequence of isolated clashes, but as a changing system of political cooperation, competition, administratively induced conflict, and migration. Aim and objectives. The study aims to identify the principal forms and stages of Kazakh-Bashkir interaction and to determine how the Orenburg frontier administration affected their development. It compares evidence on agreements reached before the uprising of 1755, Kazakh involvement in the events of 1773–1775, and migratory processes from the late eighteenth to the first third of the nineteenth century. Materials and methods. The source base includes published documents, materials from the Senate Archive, and archival files held in Ufa, Moscow, Orenburg, and Almaty. The research employs comparative historical and problem-chronological methods together with external and internal source criticism. Official reports are compared with historiographical interpretations, statistical records, and clan genealogical traditions. Results. The evidence indicates that representatives of Bashkir volosts and the Middle Zhuz discussed mutual support in the autumn of 1754, but the mass flight of Bashkirs into the Kazakh steppe in 1755 did not produce a stable military-political alliance. Pressure exerted by Orenburg governor Ivan Neplyuev on Khan Nuraly, attempts to surrender refugees, and the ensuing armed clashes deepened mutual estrangement. During the Pugachev uprising, channels of communication were restored largely through Bashkir elders acting as intermediaries, while the participation of Kazakh detachments remained local and depended on individual sultans. By the late eighteenth and early nineteenth centuries, migration had become the most visible form of interaction: alongside the return of Bashkirs from the steppe, increasing numbers of Kazakh families settled on Bashkir lands and were incorporated into the Bashkir estate. Conclusions. Kazakh-Bashkir relations developed non-linearly through alliances, armed conflict, mutual adaptation, and ethno-social integration. Russian frontier administration did not terminate contacts between neighboring communities, but substantially reshaped their channels, legal forms, and political consequences.
Keywords: Kazakhs; Bashkirs; Middle Zhuz; Junior Zhuz; Southern Urals; Orenburg frontier administration; Batyrsha uprising; Pugachev uprising; political interaction; migration; ethnic contacts

For citation: Asilguzhin R. Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.5, no.2, pp.7-21. https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.7.21

© R. Asilguzhin, 2026

Funding. The study was conducted within the framework of the project "Writing an Illustrated Biographical Encyclopedia on the History of Kazakhstan" (IRN BR24993173).

XVIII ғасырдың ортасы – XIX ғасырдың басындағы қазақ-башқұрт қатынастары

Р. Асылгужин*
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты Астана, Қазақстан

Аңдатпа. XVIII ғасырдың ортасы мен XIX ғасырдың басындағы қазақ-башқұрт қатынастары Оңтүстік Орал, Орал өңірі және Қазақ даласының солтүстік-батыс бөлігін қамтыған кеңістікте қалыптасты. Бұл аумақта дәстүрлі көш жолдары, туыстық байланыстар және ортақ мұсылмандық орта Ресей империясының шекаралық шептерді кеңейту үдерісімен ұштасып жатты. Зерттеудің өзектілігі екі халықтың байланыстарын жекелеген қақтығыстар тізбегі ретінде емес, саяси одақтастық, бәсекелестік, әкімшілік ықпалымен туындаған жанжалдар мен көші-қоннан тұратын өзгермелі жүйе ретінде қарастыру қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. Жұмыстың мақсаты – қазақ-башқұрт өзара ықпалдастығының негізгі түрлері мен кезеңдерін анықтау және Орынбор шекаралық әкімшілігінің олардың сипатына тигізген әсерін бағалау. Осы мақсатта 1755 жылғы көтеріліс қарсаңындағы келісімдер, 1773–1775 жылдардағы оқиғаларға қазақтардың қатысуы және XVIII ғасырдың соңы мен XIX ғасырдың алғашқы үштен біріндегі көші-қон үдерістері салыстырылды. Материалдар мен әдістер. Дереккөздік негізді жарияланған құжаттар, Сенат мұрағатының материалдары, сондай-ақ Уфа, Мәскеу, Орынбор және Алматы мұрағаттарындағы істер құрайды. Тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық әдістер, дереккөздердің сыртқы және ішкі сыны қолданылды. Ресми мәлімдемелер тарихнамалық пайымдаулармен, статистикалық мәліметтермен және ру шежірелерімен салыстырылды. Нәтижелер. 1754 жылдың күзінде башқұрт болыстары мен Орта жүз өкілдері өзара қолдау мәселесін талқылағаны анықталды, алайда 1755 жылы башқұрттардың Қазақ даласына жаппай өтуі тұрақты әскери-саяси одаққа ұласпады. Орынбор губернаторы И. И. Неплюевтің Нұралы ханға жасаған қысымы, босқындарды ұстап беру әрекеттері және одан кейінгі қарулы қақтығыстар өзара алшақтауды күшейтті. Пугачев көтерілісі кезінде байланыстар башқұрт старшындарының делдалдығы арқылы қайта жанданды, бірақ қазақ жасақтарының қатысуы жергілікті сипатта болып, жекелеген сұлтандардың ұстанымына тәуелді болды. XVIII ғасырдың соңы мен XIX ғасырдың басында көші-қон өзара қатынастың басты түріне айналды: қазақ даласынан башқұрттардың қайтуымен қатар, башқұрт жерлеріне қоныстанып, башқұрт сословиесіне тіркелген қазақ отбасыларының саны өсті. Кезеңдерді салыстыру көтеріліс кезіндегі дипломатия мен қарулы өзара көмектен бақыланатын қоныс аударуға, сословиелік кірігуге және жергілікті шежірелерде шығу тегі туралы жадтың сақталуына ауысуды көрсетеді. Қорытынды. Қазақ-башқұрт байланыстары одақтастықты, қарулы қақтығыстарды, өзара бейімделуді және этноәлеуметтік кірігуді қамтыған сызықтық емес сипатта дамыды. Ресейдің шекаралық әкімшілігі көршілес қауымдардың байланысын тоқтатпады, бірақ оның арналары мен саяси салдарын елеулі түрде өзгертті.

Түйін сөздер: қазақтар; башқұрттар; Орта жүз; Кіші жүз; Оңтүстік Орал; Орынбор шекаралық әкімшілігі; Батырша көтерілісі; Пугачев көтерілісі; саяси өзара ықпалдастық; көші-қон; этникалық байланыстар

Қаржыландыру. Зерттеу «Қазақстан тарихы бойынша иллюстрацияланған биографиялық энциклопедияны әзірлеу» жобасы аясында орындалды (ЖТН BR24993173)

Казахско-башкирские отношения в середине XVIII – начале XIX века

Р. Асылгужин*

«Научный институт изучения Улуса Джучи», Астана, Казахстан

Аннотация. Казахско-башкирские отношения середины XVIII – начала XIX века складывались в пространстве Южного Урала, Приуралья и северо-западной части Казахской степи, где традиционные кочевые маршруты, родственные связи и общность конфессиональной среды сочетались с расширением российских пограничных линий. Актуальность исследования определяется необходимостью рассматривать взаимодействие двух народов не как последовательность изолированных столкновений, а как изменяющуюся систему политического союзничества, конкуренции, административно направляемого конфликта и миграций. Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в выявлении основных форм и этапов казахско-башкирского взаимодействия и в определении роли Оренбургской пограничной администрации в изменении его характера. Для этого сопоставлены сведения о договорённостях накануне восстания 1755 года, участии казахов в событиях 1773-1775 годов и миграционных процессах конца XVIII – первой трети XIX века. Материалы и методы. Источниковую основу составили опубликованные документы, материалы Сенатского архива и архивные дела из фондов Уфы, Москвы, Оренбурга и Алматы. Применены историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, а также внешняя и внутренняя критика источников. Официальные донесения сопоставлялись с историографическими интерпретациями, статистическими сведениями и родовыми преданиями. Результаты. Установлено, что осенью 1754 года представители башкирских волостей и Среднего жуза обсуждали взаимную поддержку, однако массовый уход башкир в казахскую степь в 1755 году не привёл к устойчивому военно-политическому союзу. Давление оренбургского губернатора И.И. Неплюева на Нуралы-хана, попытки выдачи беженцев и последовавшие столкновения усилили взаимное отчуждение. В годы Пугачевского восстания контакты были восстановлены через башкирских старшин-посредников, но участие казахских отрядов оставалось локальным и зависело от позиции отдельных султанов. К концу XVIII – началу XIX века ведущей формой взаимодействия стали переселения: наряду с возвращением башкир из степи увеличилось число казахских семей, причислявшихся к башкирскому сословию. Сопоставление этапов показывает переход от дипломатии участников восстания и вооружённой взаимопомощи к контролируемым переселениям, сословному включению и сохранению памяти о происхождении в локальных шежере. Выводы. Казахско-башкирские связи развивались нелинейно и включали союзничество, вооружённые конфликты, взаимную адаптацию и этносоциальную интеграцию. Российская администрация не прекратила контакты между соседними сообществами, но существенно изменила их каналы и политические последствия.

Ключевые слова: казахи; башкиры; Средний жуз; Младший жуз; Южный Урал; Оренбургская пограничная администрация; восстание Батырши; Пугачевское восстание; политическое взаимодействие; миграции; этнические контакты

Для цитирования: Асылгужинов Р. Казахско-башкирские отношения в середине XVIII – начале XIX века. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.5, no.2, pp.7-21, https://doi.org/10.65076/3105-0042.2026.2.7.21
Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» (ИРН BR24993173)

Введение

Казахско-башкирские отношения формировались в едином степном и лесостепном геополитическом пространстве Южного Урала и Приуралья. На протяжении длительного исторического периода соседство сопровождалось языковыми и этнографическими параллелями, общими сюжетами устно-поэтической традиции и постоянным движением людей между казахскими кочевьями и башкирскими землями. Л.И. Добросмыслов отмечал близость отдельных антропологических типов у казахов к башкирам, связывая её, в частности, с контактами родовых групп – «Между киргизами нерѣдко можно встрѣтить лицъ довольно близко подходящихъ к типам других національностей, напримѣр къ калмыкамъ (табынский родъ), башкирамъ (жагалъбайлинцы) …» (Добросмыслов 1895: 326).

В первой половине XVIII века конфигурация пограничья заметно изменилась. После джунгарского нашествия казахские роды Среднего жуза перемещались к Тургаю, Ишиму, Тоболу и Ую, а группы Младшего жуза осваивали долины Эмбы, Ори и Илека, доходя до левобережья Яика. Эти перемещения усилили конкуренцию за пастбища и водные ресурсы, происходили пересечения сезонных перекочёвок. Одновременно строительство укреплённых линий и деятельность Оренбургской администрации превращали прежнюю контактную зону в регулируемую имперскую границу.

Исследовательская проблема заключается в том, что казахско-башкирские связи середины XVIII – начала XIX века включали противоположные формы взаимодействия: договорённости о взаимной поддержке, вооружённые столкновения, посредничество в антиправительственных выступлениях, переселения и включение выходцев из одного сообщества в сословную структуру другого. *Цель исследования* – определить основные этапы этого процесса и выяснить, каким образом российская пограничная администрация воздействовала на его динамику. *Задачи работы* состоят в анализе событий 1754-1755 и 1773-1775 годов, выявлении механизмов политического посредничества и прослеживании изменения направлений миграции.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили опубликованные документы и архивные материалы. К первой группе относятся протоколы Правительствующего сената, документальные публикации по истории восстаний 1755 и 1773-1775 годов, воспоминания И.И. Неплюева, статистические и историко-географические описания Оренбургского края и Тургайской области. Архивная группа включает дела Научного архива Уфимского научного центра РАН, Российского государственного архива древних актов, Объединённого государственного архива Оренбургской области, Российского

государственного военно-исторического архива, Национального архива Республики Башкортостан и Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Проблемно-хронологический метод использован для выделения трёх этапов: кризиса 1754-1756 годов, возобновления контактов в период Пугачевского восстания и усиления миграционных связей на рубеже XVIII-XIX веков. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить позиции башкирских волостей, казахских жузов, ханов и султанов, а также Оренбургской администрации. Внешняя и внутренняя критика источников применялась для проверки происхождения документов, целей их составления и согласованности содержащихся в них сведений.

Особое внимание уделено различию между официальным административным языком источников и фактическими практиками населения пограничья. Донесения российских чиновников отражали прежде всего задачи контроля и безопасности, тогда как ревизские материалы, сведения о переселениях и родовые предания фиксировали длительные семейные и локальные связи. Поэтому данные шежере используются как свидетельства исторической памяти и сопоставляются с письменными и учётными источниками, а не рассматриваются как самодостаточное подтверждение конкретных событий.

Литературный обзор

Тюркологический подход представлен трудами Ахмет-Заки Валиди Тогана, который рассматривал историю башкир в тесной связи с историей соседних тюркских народов, прежде всего казахов (Валиди Тоган 2014; Вәлиди 1994). Его работы важны для понимания общего историко-культурного пространства, однако требуют сопоставления с административными и архивными источниками.

Политико-историческая линия исследования связана с трудами российских историков и чиновников В.Н. Витевского и А.П. Чулошникова. Витевский реконструировал деятельность И.И. Неплюева и события восстания 1755 года, а Чулошников подробно анализировал планы повстанцев, их расчёт на отход в казахскую степь и попытки формирования совместных сил (Витевский 1897; Чулошников 1940). Башкирский историк С.У. Таймасов показал, как казахско-башкирские отношения переходили под контроль Оренбургской администрации и как менялась позиция Нуралы-хана (Таймасов 2009a; Таймасов 2009b).

Казахское участие в антиколониальных выступлениях исследовано Г.Б. Избасаровой, Н.Е. Бекмахановой, Е. Б. Бекмахановым и Г.И. Семенюком (Избасарова 2016; Бекмаханова 1968; Бекмаханов, Семенюк 1963). Миграционные и этнокультурные процессы отражены в работах А.И. Добросмыслова, Г.С. Султангалиевой и М.Р. Бижановой (Добросмыслов 1901; Добросмыслов 1902; Султангалиева 2002; Бижанова 2006). Вместе с тем восстания и миграции нередко рассматриваются раздельно. Настоящая статья объединяет эти сюжеты и прослеживает переход от ситуативного военно-политического взаимодействия к устойчивым семейным, сословным и локальным контактам.

Результаты

Договорённости и конфликт в период восстания 1754-1755 годов

Осенью 1754 года башкирские представители прибыли в Средний жуз и обсуждали взаимную поддержку. В донесениях сообщалось о договорённости относительно нападений на почтовые станы, заводы и крепости между Воздвиженской и Верхояицкой крепостями – «по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой крепости почтовых станов и ближних заводов и крепостей». Аблай-султан, согласно источнику, обещал содействие башкирским старшинам – «учинить и обещалъ, токмо как прочие бывшие в том же их злодейском согласии» (Сенатский архив 1901: 388). Эти сведения подтверждают существование канала связи между частью башкирских волостей и представителями Среднего жуза еще до начала массового восстания.

Батырша рассматривал положение башкир в связи с продвижением имперской администрации в казахскую степь и призывал мусульманские народы к совместному сопротивлению. После разгрома его отряда власти искали сведения о возможном уходе лидера восстания в Средний жуз; в феврале 1756 года сообщалось о его нахождении у казахов Ураза и Якуба из кунделен-кипчакского рода8, 9. По оценке В.Н. Витевского, Батырша стремился объединить башкир, татар и казахов, хотя не смог придать выступлению общебашкирский характер (Витевский 1897: 850, 852–853).

В мае 1754 года башкиры Бурзянской волости выступили против горно-изыскательной команды и уничтожили несколько почтовых станций. А.П. Чулошников. подробно описывая взаимодействия восставших башкир с казахами, отмечал, что в случае неудачи башкирские повстанцы рассчитывали отойти в казахскую степь, объединиться с казахскими союзниками и продолжить борьбу (Чулошников 1940: 56). Действительно, после начала карательных операций восставшие вместе с семьями перешли Яик и достигли кочевий Младшего и Среднего жузов. Первая группа укрылась у Серки-батыра из рода жагалбайлы, другая – у кыпчаков и уак-гиреев. Летом 1755 года движение охватило всю юго-восточную Башкирию-Бурзянскую, Усерганскую, Тангаурскую, Тамьянскую и Кипчакскую волости. Повстанцы взяли приступом ряд почтовых станов и заводов, в том числе Вознесенский и Преображенский, после чего, преодолев линию русских застав, пробились к казахской границе. Часть из них была принята в Среднем жузе, часть - в Младшем. По оценке А.П. Чулошникова, в Младший жуз могло уйти более десяти тысяч башкир (Чулошников 1940: 96). Оставив семьи, многие из башкир вместе с казахами осуществляли рейды вглубь Башкирии, атакуя форпосты Яицкой и Сибирской пограничных линий.

Поддержка со стороны казахской знати не была единой. Аблай был занят отношениями с Джунгарией и Китаем, а Нуралы-хан находился под постоянным давлением Оренбургской администрации. И.И. Неплюев потребовал от Нуралы и Аблая разоружать и выдавать башкирских беженцев. Необходимо отметить, что Нурали-хан не сразу подчинился требованию Неплюева, однако под постоянным давлением вынужден был созвать совещание знати Младшего жуза на реке Илек, состоявшееся в июле 1755 года. Вероятно, Нурали и его братья – султаны Айчувак и Ирали – знали о подготовке восстания и в определённой степени разделяли недовольство его участников. Сам Нурали выступал против строительства российской крепости на реке Илек и порядка содержания его сыновей в качестве аманатов в Оренбурге (Таймасов 2009a; Таймасов 2009b: 56-58; 24). В июле 1755 года Нуралы направил отряд к верховьям Ори, где казахи родов жагалбайлы и табын отказались выдать башкир, сославшись на клятву, данную

на Коране. Последовавшие столкновения привели к гибели казахов и башкир, включая женщин и детей. Подобные трагические эпизоды повторялись в аулах табынского рода старшины Минъяшара, таминского рода старшины Исета и других местностях (Таймасов 2009a: 55–58; Таймасов 2009b).

Действия хана вызвали осуждение части казахского духовенства и знати. Кушум-ходжа призывал не грабить, не убивать и не выдавать пришедших башкир, подчёркивая их принадлежность к общему мусульманскому сообществу[1] (Чулошников 1940: 98–101). Оставшиеся в живых беженцы ушли в Средний жуз либо вернулись на родину. Ответные рейды башкирских отрядов против казахских кочевий усилили взаимное противостояние.

В воспоминаниях Неплюев прямо связывал столкновения 1755 года с безопасностью империи, считая возникшую вражду гарантией против будущего объединения двух народов: «Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильства, принуждены нашлись защищать их с потерянием жизни, и сим способом погибло немало башкирцов и киргисцов… Многие, потеряв матерей, сестер и жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувших их киргизцам… Сие происшествие положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна» (Неплюев 2004: 157, 159, 161).

Таким образом, цели лидеров башкирских повстанцев, заключавшиеся, по мнению Чулошникова, в нанесении чувствительных ударов по «наиболее ненавистным опорным пунктам метрополии в их стране, … затем временно отойти на территорию Казахской Орды, которая, как более свободная от надзора царских властей, с самого начала намечалась в качестве района формирования повстанческих сил. Там, соединив свои силы с казахскими, башкиры-повстанцы получали новый импульс для дальнейшей борьбы за окончательное уже уничтожение колониального господства царской России и в Башкирии, и в соседнем с нею Казахстане» (Чулошников 1940: 69) не были реализованы. Однако, жертвы были не напрасны, империя была вынуждена ослабить давление на башкир, в частности отказалась от планов превращения башкир в крепостных крестьян и их христианизации, было восстановило право башкир обращаться с прошениями непосредственно к императору, и, пожалуй, наиболее важно – подтвердило вотчинное право (асаба) башкирских родов на земли и запрет захватов башкирских земель.

В мае 1756 года Нуралы жаловался на нападения башкир, однако губернатор возложил ответственность на казахов, первоначально принявших беженцев. Зависимость хана от российской поддержки ограничивала его самостоятельность и усиливала противоречия внутри Младшего жуза (Рязанов 1924: 94–95; Таймасов 2009b). Нурали-хан умер, по всей видимости, в 1792 г.; на его похоронах в Уфе местные мусульмане отказались участвовать (Вәлиди 1994: 127].

Контакты в период Пугачевского восстания 17731775 годов

Казахско-башкирские контакты, ослабленные после событий 1755 г., вновь активизировались в годы восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Г.Б. Избасарова связывает это с возможностью совместного выступления против колониальной политики империи (Избасарова 2016: 63–68). С.У. Таймасов уточняет, что связь ставки

Пугачева со Средним жузом поддерживали прежде всего башкиры Исетской провинции; сообщения властей также фиксировали намерение части башкирских повстанцев в случае поражения уйти в казахскую степь, о чем свидетельствует, например, полученное в походной канцелярии князя Голицына известие о том, что в Бурзянской волости хотят продолжить бунтовать и «намерение полагают, ежели им удачи не будет, бежать в Киргизскую орду (Таймасов 2009b: 213–215); Крестьянская война в России: 138).

Часть башкирских повстанцев рассматривала казахскую степь как возможное убежище в случае поражения. Пугачевская ставка стремилась использовать недовольство казахов ограничением сезонных кочевий и запретами переходить на земли к западу от Яика. В сентябре 1773 года Нуралы-хану было направлено обращение с обещанием доступа к «земле, воде и травам» и просьбой прислать двухсотенный отряд (Документы ставки Пугачева 1975: 359; Бекмаханов, Семенюк 1963: 59–87).

Позиция Нуралы оставалась выжидательной, двойственной. Он и близкие к нему султаны одновременно поддерживали связи с русской администрацией и допускали контакты с восставшими Яицкими казакками. Досалы-султан направил к Пугачеву сына Сейдалы с отрядом; отдельные казахские группы участвовали в действиях у Оренбурга, Яицкого городка, Кулагинской и Татищевской крепостей (Бекмаханова 1968: 107–140; История Казахстана 2010: 215–216). В Среднем жузе отряды, связанные с султанами Худайменде и Дайром, действовали вдоль Уйской и Ново-Ишимской линий и создавали угрозу Троицкой крепости (Бекмаханова 1968: 174–179; Таймасов 2009b: 214).

Ключевым механизмом связи было посредничество башкирских старшин. В июне 1774 года Упак и Шукур Абзямовы, Раим и Уткул Ураев доставляли письма Пугачева казахским старшинам; на совещании у Ембети-батыра и Даутбай-тархана обсуждалась помощь восставшим[4]. Другой документ сообщал о посланцах от Аблая-султана и о готовности казахского отряда действовать совместно с башкирами[5].

Осенью 1774 года старшина Кинзябулат Аликашев сообщал о прибытии в Бурзянскую волость шести башкир от казахских повстанцев[6]. Посланцы Худайменде-султана предлагали поддерживать мир, обмениваться сведениями о положении в России и согласовывать действия - «с тем чтоб с башкирским народом тем киргисцам жить в тишине, бездраки, да и в России что будет присходить, то б оне, башкирцы, с теми киргисцами переписку имели письменну и разведывая уведомляли их, что в России будет происходить и что делать будут башкирцы, то с согласия заедино» (Таймасов 2009b: 214–215). Рассмотренные материалы подтверждают наличие каналов ситуативной координации и одновременно свидетельствуют об отсутствии единого командования или общей военной стратегии, тем более - союзе.

Миграции и этнические контакты в конце XVIII – первой трети XIX века

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века направление миграций в пограничье постепенно изменилось. Наряду с возвращением башкирских семей, укрывшихся в казахской степи после восстаний 1737–1740 и 1755 годов, участились переходы казахов на башкирские земли[2, 3]. Часть башкир осталась среди казахов; память об этом сохранилась в преданиях об «естеках» или «истяках» – распространённом у соседних народов экзониме башкир.

Указ мая 1808 года разрешил пятнадцати казённым, преимущественно мусульманским, селениям внутри пограничной линии принимать казахов по их желанию и уравнивать

их в правах и обязанностях со старожилами[7]. После этого переход семей через линию и их причисление к башкирскому сословию приобрели более заметный характер. Результатом отмеченных процессов стало распространение этнонима «казах» среди отдельных групп населения юго-восточной Башкирии.

А.И. Добросмыслов связывал переселения с хозяйственным разорением, конфликтами в степи и родственными связями. Он отмечал, что среди переселенцев было немало семей с башкирскими женщинами и что часть казахов официально просила разрешения на поселение, тогда как другие переходили границу без регистрации (Добросмыслов 1901: 219). Материалы «ревизских сказок» и Оренбургской пограничной комиссии показывают, что в 1808 году в 9-й кантон перешли 86 казахов, в 4-й – 22, в 6-й – 38. Преобладали выходцы из родов жагалбайлы, тама и шекты Младшего жуза, а также кыпчаки Среднего жуза.

К 1816 году в Оренбургском уезде было учтено 326 человек обоего пола, записанных башкирами из «казахов». По подсчётам Г.С. Султангалиевой, в 1799–1815 годах к башкирскому сословию причислили 1 226 казахов, включая 863 мужчин и 363 женщины (Султангалиева 2002: 47–48). Сведения о голоде 1834 года и межродовых конфликтах 1836 года выходят за основную хронологическую границу статьи, однако показывают устойчивость выявленной тенденции: в периоды хозяйственного кризиса переход казахских семей в Башкирию вновь усиливался. А.И. Добросмыслов в этой связи пишет - «Въ 1834 году въ степи быль голодъ, и киргизы проявили то же стремленіе, какое было въ первомь десятилѣтіи девятнадцатаго стольтія, къ переселенію въ Башкирію, но это продолжалось недолго, хотя пограничное начальство и не дълало къ тому никакихъ препятствій. Распри между киргизами жагальбайлинскаго и кипшакскаго родовъ въ 1836 году достигли крайнихь предѣловъ…» (Добросмыслов 1902: 312).

Часть переселенцев вернулась в степь, другие закрепились в регионе. В ряде башкирских деревень Баймакского, Абзелиловского, Хайбуллинского, Зилаирского, Зианчуринского и Салаватского районов сохранились семейные предания о казахском происхождении отдельных родовых групп, обозначаемых как «казак тоҡомо» (Бижанова 2006: 14). Шежере рода Мамбет племени усерган записанное в 1928 г., связывает его родоначальника с мальчиком Жансары (Мамбетом), происходившим из аргынов Среднего жуза и усыновлённым башкирским старшиной Сабыром Кутлумбетовым. Согласно этому шежере, родоначальник рода Мамбет был мальчик Мамбет еще в 10–12-летнем возрасте похищенный у казахов вместе с табуном коней во время барымты. Похитители, являющиеся представителями башкирского племени Бурзян, поняв, что с табуном был угнан и мальчик, вначале решили его возвратить обратно. Однако, опасаясь ответного набега по рассказам мальчика, решили его оставить у себя. Вскоре его усыновил старшина усерганской волости Сабыр Кутлумбетов. Во время усыновления мальчик, которого звали Жансары, получил имя Мамбет. Этот Мамбет сын Мурзабека происходил из рода Алсын-Аргын, принадлежащего Среднему Жузу. В одном из вариантов шежере есть подробности о происхождении Мамбета сына Мурзабека. Здесь указано, что он происходит из аймака йедек, тайфы кулукай, рода Аргын, имевшей зимовку в местечке Куктал Аман-Карагайской волости Кустанайского уезда (Мәмбәт шежәрәһе 1994: 3–8).

Эти сведения отражают историческую память о включении выходцев из казахской степи в башкирские рода. Предания, шежере локальных сообществ сохраняют память

о происхождении и включении переселенцев, в отличии письменных документов имперской администрации, большая часть которых описывает население через категории лояльности, преступления, подданства и пограничной безопасности. Совместное использование разноплановых источников даёт более объёмную картину, однако требует дальнейшей проверки по ревизским сказкам, метрическим книгам (записям). Численность переселившихся казахов и их имена, можно проследить по материалам ревизий XIX в. Так, в Челябинском уезде, согласно материалам VI «ревизской сказки» (1811 г.), были взяты на учет души мужского пола (по этой ревизии учитывались лишь мужчины) «киргисцев» (т.е. – казахов) причисленные в 1808 г., 1809 г. и 1810 г. в башкирские аулы Катайской волости – Казаккул, Шарып, Убалы, Ишбулат, Куйбак, Искандар, а также в д. Аптыкай Калмакской волости, в последней была зафиксирована 59 душ м.п. калмаков и одна семья (3 души м.п.) «киргисцы причисленные 1810-го году с дачей от повинностей 10-ти летней льготы»[10]. По современному административному делению перечисленные деревни расположены в Альменевском и Сафакулевском р-ах Курганской области.

Казахи фиксировались в соседнем с Челябинским – Троицким уездом, но еще больше казахов обнаружилось ревизиями и прочими источниками в южных уездах исторической Башкирии – Орском и Оренбургском уездах. Так, согласно VII ревизии населения (1816 г.) в Оренбургском уезде было учтено 326 душ обоего пола «башкир из казахов», а также 145 душ обоего пола башкир из «каракалпак»[11]. Кыргызы (т.е. казахи) фиксировались по ревизиям в аулах кыпчакских и усерганских башкир – Кидряс, Чебокла (Шарип), Сарыбай и особенно в д.Акчюра, в последней, по ревизии 1816 г. проживали 80 башкир при 8 дворах и 38 казахов при 3 дворах[12].

Обсуждение

Сопоставление трёх этапов показывает, что казахско-башкирские отношения не могут быть описаны только через модель постоянного союза или постоянной вражды. Накануне восстания 1755 года существовали договорённости о взаимной поддержке, основанные на общности интересов и возможности использовать казахскую степь как пространство отступления. Однако разнородность интересов и политических центров, различия позиций ханов, султанов и родовых лидеров, а также давление Оренбургской администрации препятствовали превращению этих договорённостей в устойчивый союз.

События 1755 года стали переломным моментом. Российская администрация использовала зависимость Нуралы-хана, противоречия внутри Младшего жуза и уязвимость башкирских беженцев. Выдача и разграбление части беженцев вызвали ответное насилие и закрепили взаимное недоверие. Тем самым пограничная политика действовала не только посредством крепостей и запретов, но и через управление отношениями между соседними сообществами. Отмеченное подтверждает высказанную в историографии мысль о переводе казахско-башкирских контактов под административный контроль (Таймасов 2009b).

В период Пугачевского восстания прежние каналы взаимодействия частично восстановились, однако участие казахов не образовало единого фронта. Действия отрядов сочетали поддержку повстанцев, нападения на пограничные линии, защиту

кочевых интересов и переговоры с российской администрацией. Поэтому наиболее точным определением является ситуативная координация. Башкирские старшины выступали посредниками между ставкой Пугачева и казахскими лидерами, но не могли обеспечить единую политическую линию (Бекмаханова 1968; Таймасов 2009b; Бекмаханов, Семенюк 1963).

На рубеже XVIII-XIX веков политико-военная составляющая уступила место миграционной и этносоциальной. Если ранее преобладал уход башкир в казахскую степь, то позднее усилилось встречное движение казахов Младшего и в меньшей степени Среднего жуза на башкирские земли. Причинами были голод и джуты, межродовые конфликты, брачно-родственные связи, возможность получить более устойчивый правовой статус и хозяйственные ресурсы. Укреплённые линии одновременно ограничивали традиционные кочевья и направляли миграцию через контролируемые пункты. Административное разграничение не прекратило контакты, а преобразовало их в семейные, сословные и локальные формы.

Заключение

Исследование подтвердило наличие предварительных договорённостей между башкирскими волостями и представителями казахских жузов накануне восстания 1755 года. Тем не менее массовый уход башкир в казахскую степь не завершился созданием устойчивого военно-политического союза. Давление Оренбургской администрации на Нуралы-хана, попытки выдачи беженцев и последовавшие столкновения способствовали длительному взаимному отчуждению.

В годы Пугачевского восстания контакты между повстанческим центром, башкирскими старшинами и представителями Среднего и Младшего жузов возобновились. Участие казахских отрядов было ограниченным, локальным и зависело от позиции отдельных султанов. Башкирские старшины выполняли функцию основных посредников, поэтому взаимодействие этого периода следует характеризовать как ситуативную координацию, а не как единый антиимперский фронт.

К концу XVIII – началу XIX века в отношениях усилилась миграционная составляющая. Наряду с возвращением башкирских семей из казахской степи участились переселения казахов на башкирские земли и их включение в башкирское сословие. Статистические сведения, локальные этнонимы и родовые предания показывают, что эти процессы имели долгосрочные этносоциальные последствия.

Таким образом, казахско-башкирское взаимодействие развивалось нелинейно и сочетало союзничество, вооружённые конфликты, взаимную адаптацию и миграции. Российская пограничная администрация существенно влияла на формы и направления этих связей, однако не смогла устранить устойчивые контакты между населением сопредельных территорий.

Примечания

1. Материалы о позиции Кушум-ходжи относительно башкир, нашедших убежище

среди казахов и событиях 1755 г. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. Л. 155–158, 179–180.

2. Материалы о возвращении башкир укрывшихся в казахской степи после восстаний 1739–1740 и 1755 гг. и переселении казахов на башкирские земли. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 136. Л. 389–406 об.
3. Материалы о миграциях в башкиро-казахском пограничье. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 361, 385, 460–460 об.
4. Материалы допроса от 14 июня 1774 г. башкир Упака и Шукура Абзямовых, Уткула Ураеви и татарина Раимад относительно доставки писем Пугачева казахским старшинам. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Д. 1240. Л. 471–471 об.
5. Показания старшины Мусы Имангулова от 6 мая 1774 г. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Д. 1232. Л. 412–413.
6. Рапорт от 25 октября 1774 г. о посланцах казахских повстанцев. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1100. Д. 11. Л. 315–315 об.
7. Указ мая 1808 г. о разрешении принимать казахов в казённые селения внутри пограничной линии. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 842. Л. 5.
8. Материалы о розыске Батырши и его намерении уйти в Средний жуз. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 346 об.
9. Донесение поручика Уракова о возможном нахождении Батырши у казахов Ураза и Якуба. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 84.
10. Материалы «Ревизской сказки» за 1811 год о душах мужского пола «киргисцев» причисленных в 1808 г., 1809 г. и 1810 г в башкирские аулы Катайской и Калмакской волостей. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И.138. Оп.2. Д.129. Л.: 94, 96, 99, 216-217.
11. Материалы «Ревизской сказки» о душах обоего пола «башкир из казахов» и «башкир из «каракалпак» в Оренбургском уезде за 1816 год. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф.138, оп.2. Оренбургская казенная палата. Д. 170.
12. Материалы «Ревизской сказки» о кыргызах (казахах) в д. Акчюра Оренбургского уезда за 1816 год. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И.-138. Оп.2. Д.170. Л.70-72.

Список литературы

Бекмаханов Е.Б., Семенюк Г.И. Казахи в Крестьянской войне 1773-1775 гг. *Ученые записки Казахского государственного университета. Серия историческая.* 1963. Т.54, вып.12, с.59-87.

Бекмаханова Н. *Легенда о невидимке: участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах.* Алма-Ата: Казахстан. 1968. 190 с.

Бижанова М. *Башкиро-казахское этнокультурное взаимодействие в XVIII – первой половине XIX вв.* Дис. … канд. ист. наук. Ижевск. 2006. 21 с.

Витевский В.Н. И. *Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т 3. Казань:* Типо-литография В.М. Ключникова. 1897. 361 с.

Вәлиди Ә.Ә. *Башҡорттарҙың тарихы (автор ҡулъяҙмаһынан тәржемә). Төрк һәм татар тарихы.* Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте. 1994. 352 б.

Добросмыслов А.И. *Тургайская область. Исторический очерк.* В: Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Оренбург. 1901. Вып. 16. С. 125-272.

Добросмыслов А.И. *Тургайская область. Исторический очерк.* Т.1, вып.3. Тверь: Типо-литография Н.М. Родионова. 1902. С. 257-524.

Добросмыслов Л.И. *Скотоводство в Тургайской области*. Оренбург. 1895. 360 с.

Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг. Сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров; отв. ред. Р.В. Овчинников. Москва. Наука. 1975. 523 с.

Жизнь И.И. Неплюева (им самим написанная): факсимильное издание «Записок И. И. Неплюева». Оренбург: Оренбургская губерния. 2004. 197 с.

Избасарова Г.Б. *Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в первой четверти XVIII в.* Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, No.5/2, с.63-68.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Алматы: Атамұра. 2010. 768 с.

Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева: в 3 т. Отв. ред. В. Мавродин. Т. 2. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1966. 512 с.

Мәмбәт шәжәрәһе. Ырыу йылъяҙмаһы. Хәҙерге телгә Ҡ. Аралбаев тәржемәһендә һәм аңлатмаһында. Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 1994. 104 б.

Рязанов А.Ф. *Батырь Срым Датов. Советская Киргизия*. 1924. No.10, с.94-95.

Сенатский архив. Т. IX: Протоколы Правительствующего Сената. 1753-1756 гг. Санкт-Петербург: Сенатская типография. 1901. 712 с. + 29 с.

Султангалиева Г.С. *Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.).* Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ. 2002. 258 с.

Таймасов С.У. *Об отношениях башкир с казахами Младшего жуза в период правления Нурали-хана. Вестник Челябинского государственного университета.* 2009a. С.54-58.

Таймасов С.У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII веке.* Москва: Наука. 2009b. 344 с.

Чулошников А.П. *Восстание 1755 г. в Башкирии.* Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. 1940. 108 с.

Әхмәтзәки Вәлиди Туған. *Бөгөнгө төркиле Төркөстан һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан.* Өфө: Китап. 2014. 276 б.

References

Bekmakhanov E.B., Semenyuk G.I. *Kazakhi v Krestianskoi voine 1773-1775 gg. Scientific Notes of the Kazakh State University. Historical Series*. 1963. Vol. 54, issue 12, pp. 59-87. (in Russian)

Bekmakhanova N.E. *Legenda o nevidimke: uchastie kazakhov v Krest'yanskoi voine pod rukovodstvom Pugacheva v 1773-1775 godakh*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1968. 190 p. (in Russian)

Bizhanova M.R. *Bashkir-Kazakh Ethnocultural Interaction in the Eighteenth and First Half of the Nineteenth Centuries. Candidate of Historical Sciences dissertation.* Izhevsk. 2006. 21 p. (in Russian)

Vitevskii V.N. I. I. *Nepliuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.* Vol. 3. Kazan: V. M. Kliuchnikov Typolithography. 1897. 361 p. (in Russian)

Validi A.A. *Bashkorttardyn tarikhy (avtor kul'yazmahynan terzheme). Tork hem tatar tarikhy.* Ufa: Bashkortostan Kitap Publ., 1994. 352 p. (in Bashkir)

Dobrosmyslov A. I. *Turgaiskaia oblast. Istoricheskii ocherk. In: Proceedings of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society.* Orenburg, 1901. Issue 16, pp. 125-272. (in Russian)

Dobrosmyslov A.I. *Turgaiskaia oblast. Istoricheskii ocherk. Vol. 1, issue 3.* Tver: N.M. Rodionov Typolithography. 1902. pp. 257-524. (in Russian)

Dobrosmyslov L.I. *Skotovodstvo v Turgaiskoi oblasti*. Orenburg. 1895. 360 p. (in Russian)

Dokumenty stavki E.I. Pugacheva, povstancheskikh vlastei i uchrezhdenii. 1773-1774 gg. A.I. Aksenov, R.V. Ovchinnikov, M.F. Prokhorov, comps.; R.V. Ovchinnikov, ed. Moscow: Nauka Publ. 1975. (in Russian)

Zhizn I.I. *Nepliueva (im samim napisannaia): faksimilnoe izdanie "Zapisok I. I. Nepliueva".* Orenburg: Orenburgskaia guberniia Publ. 2004. (in Russian)

Izbasarova G.B. *Rossiyskii faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniiakh v pervoi chetverti XVIII v. Historical and socio-educational thought.* 2016. Vol. 8, no. 5/2, pp. 63-68. (in Russian)

Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei. In 5 volumes. Vol. 3. Almaty: Atamura Publ. 2010. 768 p. (in Russian)

Krestyanskaia voina v Rossii v 1773-1775 godakh: Vosstanie Pugacheva. V. V. Mavrodin, ed. In 3 volumes. Vol. 2. Leningrad: Leningrad University Press. 1966. 512 p. (in Russian)

Mambet shezherehe. Yryu yylyazmahy. Translated into modern Bashkir and annotated by K. Aralbaev. Ufa: Bashkortostan Kitap Publ. 1994. 104 p. (in Bashkir)

Riazanov A. F. *Batyr Syrym Datov. Sovetskaia Kirgiziya*. 1924. No. 10. Pp. 94-95. (in Russian)

Senatskii arkhiv. T. IX: Protokoly Pravitel'stvuiushchego Senata. 1753-1756 gg. St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. 712, 29 p. (in Russian)

Sultangalieva G.S. *Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokulturnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.).* Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB Publ. 2002. 258 p. (in Russian)

Taimasov S.U. *Ob otnosheniiakh bashkir s kazakhami Mladshego zhuza v period pravleniia Nurali-khana. Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2009a. pp. 54-58. (in Russian)

Taimasov S.U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniia v XVIII veke.* Moscow: Nauka Publ. 2009b. 344 p. (in Russian)

Chuloshnikov A.P. *Vosstanie 1755 g. v Bashkirii. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR* Publ. 1940. 108 p. (in Russian)

Akhmetzaki Validi Tugan. Bogongo torkile Torkostan ham yakyn tarikhy. Konbaiysh ham Tonyak Torkostan. Ufa: Kitap Publ. 2014. 276 p. (in Bashkir)

Information about the Author

Rafil R. Asylguzhin – Chief Research Fellow, Candidate of Philosophical Sciences, Research Institute for the Study of the Ulus of Jochi, 15B Pushkin, 010000 Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru.

Автор туралы мәлімет

Рафиль Рифгатович Асылгужин – бас ғылыми қызметкер, философия ғылымдарының кандидаты, Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, Пушкина 15В, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru.

Сведения об авторе

Рафиль Рифгатович Асылгужин – главный научный сотрудник, кандидат философских

наук, Научный институт изучения Улуса Джучи, ул. Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0003-4302-665X, asrafil@yandex.ru.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.04.2026
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 11.05.2026
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.06.2026